

Хроника Токко охватывает 1375—1422 гг., особенно подробно повествуя о событиях начала XV в. Ее составление было завершено ранее 1429 г. Произведение — история династии, на службе у которой состоял автор. Он был современником описываемых событий, именовал себя ромеем, т. е. греком, и, скорее всего, происходил из города Янина, которым особенно гордится, называя его «корнем ромеев и всего деспотата», известным доблестью горожан и образованностью почтенных официалов. Янина противопоставляется другой столице государства — Арте (Chr. Тосс. Р. 123—131). Хроника Токко прочно связана с местной исторической традицией (Э. Захариаду полагает, что в своей первой части она прямо продолжает хронику янинцев⁵⁷). Хронист не был профессиональным «грамматиком», ему чужды классицизирующие тенденции. Хроника написана на народном разговорном греческом языке с диалектными особенностями и значительными отклонениями от орфографических норм. Лингвистические влияния романских языков в ней значительно слабее, чем в Морейской хронике. Хронист регистрировал события по мере того, как они разворачивались, но затем, видимо после 1416 г., подверг хронике переработке. Основные сведения почерпнуты им из первых рук, и следов использования каких-либо текстов не обнаружено. Несмотря на морализирование, автор стремится к точному изложению фактов. Он осознает себя ромеем и нераздельно прилагает этот термин как к подданным Токко, так и к византийцам, но ему чужд имперский универсализм. Византийские монархи для него — авторитет далекий, хотя и признаваемый: именно они в 1415 г. возвели Карло I Токко в достоинство деспота, а его брата, великого контоставла, — в достоинство Кантакузинов, как если бы он был таковым по крови: родовое имя приравнивается к титулу (Ibid. Р. 382). Зато отношение к ромеям Мистры резко враждебное. Политический идеал хрониста — восстановление Эпирского деспотата во всей его первоначальной целостности; он сторонник централизации, но в масштабах региона, а не всей бывшей империи ромеев (Ibid. Р. 132). Основными врагами деспотата автор считает сначала албанцев, показывая настойчивое стремление ромеев не допустить существования отдельного албанского государства. Этот антагонизм смягчается после объединения Янины и Арты под властью Токко (Ibid. Р. 102—104, 133). Затем главным врагом, с которым нельзя {173} достичь примирения, объявляются турки. Горе христианину, принимающему помощь от турок! Сначала они окажут ему поддержку, а затем удушат его силой, коварством или любым другим способом (Ibid. Р. 135). «Никто не слышал, чтобы турки помогли хотя бы одному христианскому государю, если только не ради того, чтобы повредить ему» (Ibid. Р. 256).

Хроника Токко — в полной мере средневековое произведение, со свойственным такому провиденциализмом, верой в божественное предопределение (Ibid. Р. 334—336)⁵⁸. Хронист рассказывает, например, что, в то время как албанцы осаждали крепость Роги, обороняющиеся выставили на башне жезл св. Луки. И когда он упал со стены, это было сочтено знаменем взятия крепости, хотя жезл и удалось возратить (Ibid. Р. 407). Вера в предзнаменование в полной мере разделяется хронистом.

Претендуя лишь на то, чтобы достоверно изложить местную историю глазами верного слуги династии (автор приводит весьма надежную информацию о событиях и реалиях, а его описание крепостей может служить ключом к топографическим изысканиям), хронист наглядно демонстрирует, как «ромейсировалась» власть итальянского дома Токко, отвечавшая, видимо, устремлениям провинциальной знати и городской верхушки Эпира и Акарнании.

Самостоятельная историографическая школа сложилась на острове Кипр. Ее крупнейшим представителем был автор «Повести о сладкой земле Кипр» Леонтий Махера (вторая половина XIV — начало XV в.). Махера, грек и сын священника, написал историю правления Лузиньянов на родном языке. Сам он происходил из среды служилого чиновничества, традици-

Bd. 32, Heft 3, S. 383—391.

⁵⁷ Ζαχαριάδου Ε. Οἱ ἑλλοι στῖχοι στῆν ἄρχῆν τοῦ Χρονικοῦ τοῦ Τόκκο // Ἠπειρωτικά, Χρονικά. 1983. Τ. 5. Σ. 158—181.

⁵⁸ Вряд ли обоснованны попытки связать Хронику Токко с ренессансными этическими идеалами и пересмотреть на этом основании саму проблему греческого ренессанса начала XV в.» (Kazhdan A. P. Some notes on the «Chronicle of the Tocco» // Bisanzio e l'Italia. Milano, 1982. P. 175—176). Ренессансные веяния с большим запозданием доходили до Латинской Романии, а ренессансный скульптурный образ прекрасного и благородного всадника, которым якобы мог вдохновляться автор Хроники Токко (Ibid. P. 176), был создан и в итальянском искусстве трудами Вероккьо и Донателло не в начале, а во второй половине XV столетия!